

ЭТНИЗАЦИЯ ГОРОДА В МИГРАЦИОННОМ ДИСКУРСЕ

УДК 39:314.15

DOI 10.17223/19988613/37/2

В.И. Дятлов

ЭТНИЗАЦИЯ ОБЩЕСТВЕННОГО ПРОСТРАНСТВА: ПРИЧИНЫ И МЕХАНИЗМЫ ПРОЦЕССА

Понимание этничности как ситуативного состояния, процесса ставит вопрос об этнизации, начале или составной части этого процесса. В жизни сообществ могут наступить обстоятельства, когда этническая идентификация и самоидентификация выступают на первый план и диктуют стратегии и практики поведения значительных масс людей. Этнизация – это процесс манифестации, а значит, мобилизации этничности, выхода ее в публичную сферу. Задача исследования состоит в том, чтобы на примере отдельных случаев, кейсов посмотреть, в результате каких причин и каким образом происходит актуализация этничности в качестве важного, возможно, ключевого фактора при регулировании общественных отношений. Рассматриваются некоторые ситуации, при которых чувство этнической принадлежности начинает диктовать образ жизни и модель поведения значимого числа горожан; когда в городе появляются этнически маркированные объекты, поля отношений, а демонстрация этничности становится частью повседневности.

Ключевые слова: этнизация; проект; переселенческое общество; миграции; имперский город.

Понимание этничности как ситуативного состояния, а не врожденной данности, ведет к постановке вопроса об этом феномене как процессе, о генезисе этого процесса, его динамике и механизмах развития. Логично при таком подходе возникает и проблема этнизации. С другой стороны, в XX в. значение этничности для общества и для отдельного человека так велико, что трудно представить себе ее отсутствие в повседневной жизни и властной организации общества. Основная масса современников осознает себя этнофорами, носителями некой национальности и при необходимости выстраивает свое поведение в соответствии с этим.

Что же понимать тогда под этнизацией? Этничен ли вообще социальный ландшафт? Возможно ли, чтобы городская, например, среда была до какого-то момента не этнической и вдруг по каким-то причинам принялась этнизироваться? Если да, то почему и как?

Возможны несколько вариантов ответа на этот вопрос: 1) сама постановка проблемы подобным образом некорректна; 2) этнизация возможна как единовременный акт перехода от неэтнического к этническому состоянию; 3) этнизацию можно понимать как результат актуализации этнического фактора под воздействием неких важных причин и обстоятельств; 4) этнизация выступает как способ «называния» привычным набором терминов новых явлений с придачей «этническим» категориям новых смыслов и коннотаций.

Оставим за скобками первый вариант. Он решается в практически снятом споре конструктивизма и примордиализма. Остальные предполагают, что в жизни сообществ могут наступить обстоятельства, когда этническая идентификация и самоидентификация выступают на первый план и диктуют стратегии и практики поведения значительных масс людей.

Что может стать причиной этого? При каких обстоятельствах людям вдруг становится нестерпимо важна их «национальность»? При каких условиях и обстоятельствах, по каким причинам этничность становится действенным инструментом мобилизации, когда она становится мощным регулятором взаимоотношений?

Проблема, видимо, кроется в том, что этничность манифестируется или не манифестируется. Игрет значимую роль в публичном пространстве или остается частным делом. При таком подходе этнизация – это процесс манифестации, а значит, мобилизации этничности, выхода ее в публичную сферу.

Не претендуя на создание всеобъемлющей типологической схемы, выделим несколько важных для нас случаев. Задача состоит в том, чтобы на примере отдельных случаев, кейсов посмотреть, в результате каких причин и каким образом происходит актуализация этничности в качестве важного, возможно, ключевого фактора при регулировании общественных отношений. Иначе говоря, ситуаций, при которых чувство этнической принадлежности начинает диктовать образ жизни и модель поведения значимого числа горожан; когда в городе появляются этнически маркированные объекты, поля отношений, а демонстрация этничности становится частью повседневности.

1. Сибирское переселенческое общество: от сословно-религиозного принципа организации к этническому. В основе генезиса этого общества лежал, и во многом лежит до сих пор, сложный процесс синтеза переселенческого и аборигенного населения, первопоселенцев и новопоселенцев. Синтеза культурного, экономического, социального. При этом необходимо иметь в виду как гетерогенность аборигенного населения, огромное многообразие его типов, так и не меньшее разнообразие населения пришлого. Пришлое население постепенно укореняется, «осибирачивается»,

приобретая новые черты культуры, меняя (иногда радикально) старые. Менялось и аборигенное население. Синтез происходит в контексте сильной имперской власти, на базе русского языка и культуры, на основе привносимых из-за Урала экономических укладов и технологий, в экстремально тяжелых условиях жизни, при отсутствии надежных коммуникаций и недонаселенности региона.

Критически важен стадийный контекст – переселенческое общество формировалось как часть общества сословного, традиционалистского, вступившего затем в эпоху модернизации. Различные стратегии модернизации (эпохи поздней Империи, Советской власти, постсоветских трансформаций) задавали его существенные характеристики.

Миграции были и остаются неперменным условием его существования и развития. Представители различных региональных, сословных, конфессиональных групп по собственной воле или принудительно становились сибиряками. С эпохой Модерна растет значение их этнических характеристик – и миграционные потоки воспринимаются уже как *этнически* разнородные и разнообразные. Этническое разнообразие происхождения сибирского общества начинает оцениваться как важнейшая его характеристика.

При всей значимости этнического фактора его роль в регулировании общественных отношений, в механизме формирования сети социальных связей и их функционировании не остается неизменной. Нельзя также говорить об устойчивой тенденции возрастания или снижения его роли. Это скорее ситуативный фактор, зависящий от времени, места и обстоятельств, что и позволяет ставить вопрос об этнизации отношений.

Сословный характер организации дореволюционного общества вел, среди всего прочего, к формированию общественных пространств, которые со временем начинают восприниматься в качестве этнически маркированных. Это еврейские, мусульманские, цыганские улицы или районы, немецкие, еврейские и мусульманские кладбища, храмы. Создаются и активно функционируют религиозные общины, благотворительные, культурные организации, школы и т.д.

Возникнув в качестве сословных, обычно конфессиональных структур и феноменов, к концу имперского периода они этнизируются, приобретают национальную окраску или новое содержание и функции, понимаемые как национальные. Тогда и появляются такие устойчивые (по сути, внутренне глубоко противоречивые) понятия, как «татарская мечеть» или «польский костел» в Иркутске. Даже чисто конфессиональные институты и объекты начинают рассматриваться как часть национальной культуры. Религиозные (иудейские, лютеранские и т.д.) школы трансформируются в национальные еврейские, немецкие. Благотворительные и культурные общества обретают светский и вместе с этим национальный характер.

Активно функционируют национальные политические движения и организации – еврейские сионисты и Бунд, корейские националистические партии и т.д. Результатом столыпинской переселенческой политики стало появление польских, немецких, латышских и т.д. деревень. Даже такой сугубо религиозный феномен, как переселенческие деревенские общины меннонитов, начинают рассматриваться в этнических категориях, особенно во время Первой мировой войны.

На Дальнем Востоке – китайские и корейские кварталы и деревни, до 1900 г. – фактически экстерриториальный район «зазейских маньчжур», китайские рынки, китайские и японские торговые и ремесленные предприятия, рестораны и харчевни, японские публичные дома. Активны и влиятельны китайские, корейские и японские общинные институты, иногда претендующие на роль квазигосударственных структур.

Таким образом, сочетание мощных миграционных процессов с разложением сословной системы и процессами нациестроительства в Империи привели ко времени революции к заметной этнизации общественного пространства переселенческого общества востока России.

Первая мировая война резко ускорила эти процессы. Теперь уже государство становится их главным актором. Репрессии против подданных вражеских государств (интернирование, депортации и секвестр собственности) распространяются и на российских подданных «враждебных» или «подозрительных» национальностей (российских немцев и евреев особенно). С другой стороны, от репрессий освобождаются военнопленные некоторых славянских национальностей (чехи, словаки, сербы и т.д.) [1]. Массовый приток в Сибирь эвакуированных или депортированных жителей прифронтовых территорий привел к созданию благотворительных организаций для помощи им по этническому принципу (особенно активны были польские и еврейские организации). Начинается процесс формирования воинских частей на этнической основе.

Во время революции и Гражданской войны, когда крах российской государственности до предела обострил спрос на механизмы и институты общественной самоорганизации, процессы этнизации резко усиливаются. Они принимают различные формы – от расцвета общественной и культурной жизни национальных обществ (осознающих себя и идентифицирующих себя именно в этом качестве) [2] до создания национальных воинских формирований и борьбы за государственное национальное самоопределение. В Дальневосточной республике реализуется доктрина национально-культурной автономии [3]. Масса людей, ранее вполне индифферентных к своей национальности (или вообще не рассматривавших себя в этих категориях), начинают осуществлять свои жизненные стратегии и практики обыденной жизни в качестве этнофоров.

2. Советская эпоха. Этничность становится одной из несущих конструкций советской «новой сословности». И когда модернизация размыкает и эту систему –

остается в наследство новому порядку, став его важнейшей организующей и мобилизующей частью.

В первые годы Советской власти процессы этнизации ускорились [4]. Этничность, наряду с классовым критерием, была взята за одну из основ перестройки общества. Начинаются эксперименты с социальной инженерией, с созданием и пересозданием «национальностей». Человек приписывается к этнической группе, его заставляют соответствующим образом самоопределяться постановкой вопросов переписей населения, анкет, хозяйственных книг, системой предпочтений и ограничений по этническому признаку. Вводится обязательный «пятый пункт» в паспортах, анкетах и других персональных документах. Создаются административно-политические национальные образования (от союзных республик до национальных сельсоветов), проводится политика «коренизации».

Национальное строительство 1920-х гг. плавно перешло в борьбу против «буржуазного национализма» и в проект создания «советской нации» и «новой исторической общности – советский народ». Последствия были чрезвычайно противоречивы. Переформатирование общества по национальному признаку («пятый пункт») сочетается с вытеснением этничности из практик повседневной жизни. В городах исчезают этнически маркированные общественные пространства – национальные организации, сообщества, культовые объекты. И только «татарская мечеть» и «польский костел», на долгие годы утратившие свою функцию храмов, остались такими в общественной памяти.

Новая топонимика Иркутска, где в названиях улиц присутствуют и «Польские повстанцы» с «Красными мадьярами», и Фурье с Маратом, и Роза Люксембург с Карлом Либкнехтом, и красный партизан Нестор Каландарашвили с чешским интернационалистом Ярославом Гашеком, и чекисты Дзержинский с Трилиссером, и даже казахский акын Джамбул, соотносится больше с революционной, а не этнической традицией, демонстрирует интернационализм и советскость. Стало не принято демонстрировать свою этничность в публичной сфере, тем более выстраивать опирающиеся на нее жизненные стратегии и практики. В качестве гипотезы можно говорить о деэтнизации городского пространства в позднесоветскую эпоху.

Исключение – однако чрезвычайно важное – ситуация в национальных автономиях. Здесь проводился противоречивый, неоднократно меняющийся, но не прекращавшийся проект выращивания наций. Можно предположить, что в позднесоветскую эпоху публичное этническое пространство было преимущественно там, где это было предписано властью или ею разрешалось.

К концу этого периода стали появляться новые и независимые от политики государства этнически окрашенные объекты общественного пространства. Привлечение внимания привлекали многочисленные сезонные строительные бригады, рыночные торговцы овощами, фруктами и цветами, маркированные принимающим

обществом как «кавказцы» или «лица кавказской национальности» (последний термин – бюрократического происхождения и преимущественного употребления).

Это явно этнизированные объекты внимания и отношения, что не снимает вопроса о том, не выделялись ли привычными этническими категориями некие социально-профессиональные группы, рыночные модели поведения и образа жизни в нерыночном обществе. Можно предположить, что настороженное внимание, выраженное в этнических категориях, вызывалось не столько этничностью, сколько моделью поведения, связанной с рыночной специализацией. И этот пример актуализации этничности демонстрирует стрессовую реакцию на новое и чужое именно в социальной жизни.

В идеологической сфере набирает силу и постепенно легализуется в качестве литературного направления «русский проект», создающий русско-маркированный сегмент общественного пространства. Несмотря на свою литературность и элитный характер, этот феномен сыграл огромную роль в грядущем вскоре бурном процессе этнизации.

3. Постсоветская эпоха. Процесс этот стал неотъемлемой составной частью окончательного краха советской системы отношений и связей, советской идеологии и системы ценностей. Уже сам распад Советского Союза по линиям административно-политических образований, созданных по этническому признаку, преобладающий в большинстве новых государств курс на создание этнонаций, потребность в замене прежней идеологии – все это сделало национальную проблематику чрезвычайно актуальной и востребованной.

Видимым результатом этого сдвига стало повсеместное создание национально-культурных обществ и автономий. Массовость и практически одновременность этого дает основание предполагать, что вначале была инициатива властей, тоже в каком-то смысле – проект. Но в отличие от массы других властных инициатив национально-культурные общества зажили собственной жизнью, решая проблемы национального представительства, функции информационного канала во взаимоотношениях с властями, инструмента связей с «историческими родинками», удовлетворяя национальные культурные потребности своих членов и т.д. [5]. Активно действуют конфессиональные структуры и институты, также часто рассматриваемые в категориях этнической принадлежности. Сибирские деревни, населенные потомками польских или белорусских столыпинских переселенцев, становятся польскими или белорусскими деревнями.

Возникают политические партии и движения, декларирующие приверженность этническим приоритетам и ценностям, соответствующие газеты, а затем и большие секторы Интернета. В качестве отдельного направления работы региональных и, отчасти, муниципальных властей выделилась «национальная политика». Проблемы «национальных отношений» и «национальных конфликтов» бурно обсуждаются в масс-медиа.

4. Этнизация как результат урбанизации. В результате урбанизационных процессов в город идет мощный приток новичков из деревни. Они инокультурны уже по условию – в качестве вчерашних крестьян. Но иногда их инокультурность может быть и этнически маркированной. Тогда крестьянин может оцениваться горожанами и как «деревенщина», и как этнически чужой. Особенно если новички выделены языком, религией, обликом. Они с трудом адаптируются к городской жизни, приносят с собой собственные привычки, манеры, уклад и образ жизни, модели социальной организации, непривычные, а то и глубоко чуждые горожанам. Вытекающая отсюда негостеприимность городского сообщества может формировать у них агрессивные реакции. Возможна борьба за ресурсы – экономические или символические. И тогда неизбежное напряжение между горожанами и новичками может быть выражено и в этнических категориях, приобретать этническое измерение и окраску.

Однако город переваривает новичков, постепенно «выделявая» из них, и особенно из их детей, горожан. Это нивелирует культурные контрасты и может (хотя и не всегда) снимать и этнически маркированное напряжение. Правда, адаптационные возможности города имеют свои пределы – и если интенсивность миграционного притока превышает их, то город может захлебнуться, сменить свой облик, рурализоваться. Это процесс конфликтный – и также может принимать форму этнизации.

5. Этническое измерение трансграничных миграций. И обществом, и властями миграционные проблемы и неизбежные конфликты рассматриваются сейчас преимущественно в этнических категориях. Поэтому сформировавшиеся уже мигрантские кластеры сибирских и дальневосточных городов перевели процесс этнизации общественного пространства в новое качество.

Видимым результатом этого процесса становится появление в городском пространстве этнически маркированных элементов. Это могут быть вывески, надписи, элементы непривычного дизайна, которые манифестируют присутствие в городе чужеземцев.

Отдельного разговора заслуживают «этнические рынки», прежде всего китайские. Возникнув в конце 1980-х – начале 1990-х гг., они играли огромную роль в насыщении практически пустого рынка потребительских товаров, в снабжении населения, особенно преобладавших численно слоев лиц с низкими доходами. Они были важными логистическими центрами, узлами снабжения целых регионов, эффективным механизмом продвижения китайских товаров на российские рынки. На них концентрировалась значительная часть деловой активности и социальной жизни трансграничных трудовых мигрантов. Одновременно рынки оказались местом встречи представителей различных культур и народов, привычной площадкой их повседневного и тесного контакта. Эти рынки не были мононациональ-

ными. На китайских рынках обычно значительная часть торговцев и почти весь обслуживающий персонал не были китайцами. Но китайскими их делало мнение населения. Их значение в том, что это место постоянного и повседневного контакта представителей различных этнических групп, старожилов и мигрантов. На этническом рынке люди вступают в контакты не только как продавцы и покупатели на рынке, но и как этнофоры, представители разных культур. Горожанин идет на китайский рынок не только за товаром, но и за *китайскостью*, соответственно актуализируя и собственную этничность.

Важное значение приобретает этнический общепит, который выполняет не только свои прямые функции, но и задачи культурного представительства. В мире сформировались устойчивый спрос и мода на этническую кухню, этнические рестораны. Мода на них пришла и в Россию. И это не только гастрономический, но и культурный феномен.

Завершенным выражением этого процесса становятся места жилищной концентрации мигрантов: гостиницы, общежития, этнические кварталы, в потенции – чайнатауны. Двухвековой опыт присутствия чайнатаунов в европейском мире показывает, что они могут выполнять, одновременно или последовательно, разнообразные функции. На первых порах важнейшей является задача первичной адаптации мигрантов к принимающему обществу, затем – места концентрации общинной инфраструктуры. Позднее же на первый план выходит функция производства и продажи этничности как туристического товара. В любом случае для городского сообщества важна функция этнического представительства. Интересно, что в России чайнатаунов нет – и перспективы их появления весьма туманны. Однако в символическом пространстве они существуют давно и прочно, также становясь элементом этнизации городского пространства [6].

6. Смена городом своих функций. В силу многих исторических причин город может менять свои функции. Иногда быстро, внезапно и радикально. Это может сопровождаться и изменением состава его населения. Вернее – структуры населения и характера взаимоотношений в городском сообществе. В некоторых случаях это становится этнически маркированным процессом.

Классические примеры таких процессов дают имперские города после империи. Города, обслуживавшие общеимперские функции и потерявшие смысл существования после их исчезновения. Иногда это приводит к их упадку, деградации и прозябанию. Чаще же – к обретению новых функций. Происходит при этом и смена населения – через уход, выдавливание (изгнание) одних групп и приход, иногда искусственное привлечение, других. Население меняет функции, статусы, жизненные стратегии и практики.

Классические траектории подобного развития демонстрируют, например, Баку, Рига, Ташкент, Одесса в дореволюционную, советскую и постсоветскую эпохи.

Имперский город – понятие довольно условное. Как, впрочем, и сама империя. Вряд ли стоит здесь вторгаться в бурно текущую сейчас дискуссию на этот счет. Достаточно отослать к журналу «Ab Imperio». Для нас важно то, что в рамках этого феномена предполагается существование городов, обслуживающих общегосударственные нужды или задачи центральной власти. В каком-то смысле – это форпосты, представительства центральной власти, осуществляющие те или иные общегосударственные задачи. Иногда – как в случае с Одессой, Александрией, другими левантинскими городами – функции обслуживания международной торговли, задачи терминала между экономиками своих стран и мировым рынком.

В этом их принципиальное отличие от городов, чьей основной функцией является обслуживание нужд прилегающего региона – хинтерланда. Возможно, характер отношений с хинтерландом и может быть основным признаком имперского города. Точнее – степень отчужденности от него. Конечно, имперский город не изолирован от хинтерланда – он обслуживает городские нужды прилегающей сельской территории попутно, просто фактом собственного существования.

Специфические функции формируют особый состав и структуру населения, особый тип социальных связей и отношений, специфическую культуру. И все это принципиальным образом отличается от того, что господствует в хинтерланде. Иногда это выражается и в этнических категориях, вплоть до того, что город и хинтерланд говорят на разных языках. Русский язык был языком повседневного общения для многонационального населения позднимперских Баку, Тифлиса, Вильно, Ковно и Ташкента, советских Баку, Риги, Таллина, Ташкента и Алма-Аты. Для имперского города характерны этнокультурная гетерогенность, космополитизм, открытость. В любом случае – это не органическая часть хинтерланда в экономическом, социальном и культурном отношениях.

Немецкий по большинству населения, языку общения, образу жизни, управлению Ревель постепенно менял свой национальный состав в результате модернизации, урбанизации и притока эстонского населения хинтерланда. Город становится площадкой, средой его современного национального развития, а затем и столицей независимого эстонского государства Таллинном. Таким образом, сначала хинтерланд приспособливался к инонациональному городу, а затем начинает его осваивать и преобразовывать (подробнее см.: [7]).

Одесса возникла для выполнения имперских функций торгового терминала. Ее появление и развитие не диктовалось нуждами хинтерланда и шло не за счет его ресурсов, в том числе человеческих. По этническому и культурному составу населения, укладу жизни, экономическим функциям это был левантинский город. Сформировалась и особая культура. Немецкий путешественник середины XIX в. писал: «Русский является языком простых людей, слуг, рынка и порта, а также

официальным языком власти. На итальянском говорят итальянцы и греки, это язык коммерции и биржи. На французском говорят в изысканных кругах... Смешение языков, которое наблюдается почти везде в России, достигает поистине вавилонского уровня в Одессе» [8. С. 115]. С советских времен начался, а в эпоху независимой Украины резко ускорился процесс изменения функций города. Он стал превращаться в типовой областной центр. Вместе с этим менялись и состав населения, уклад жизни, тип взаимоотношений. Происходит поглощение города хинтерландом.

Старая Одесса превращается в легенду, миф, анализу которого посвящена статья В. Сквирской и К. Хэмфри [Там же. С. 88–117]. И весьма важно то, что ключевой составляющей мифа является ностальгия по прежней открытости и космополитизму. «Ряд ключевых объектов одесского мифа – свобода, торговля, юмор, одесский язык, гармоничное или космополитическое сосуществование...» [Там же. С. 89]. «Несущим» элементом мифа сегодня является традиционное *этническое многообразие* города, которое изображается главным образом в ключе мирного сосуществования и городского космополитизма *par excellence*» [Там же. С. 90]. «Среди тех, кто считает себя коренным одесситом, бытует мнение, что Одессе угрожает “растворение в Большой Бульварке”, то есть во все разбухающей массе приезжих из украинской провинции. И хотя некоторые из наших респондентов надеются, что приезжие, набравшись опыта общения, местных выражений и одесских навыков сосуществования, смогут постепенно вписаться в Одессу, основная проблема с поселенной преемственностью им видится в том, что самих носителей одесских черт становится все меньше» [Там же. С. 102].

7. Этнизация как проект. Бывшие имперские города часто становятся важнейшим инструментом, «фабрикой» нациестроительства. Особенно если такая задача ставится осознанно и проводится в жизнь политическим режимом. Вбирая в себя население хинтерланда, они не просто превращают его в горожан. Они выстраивают из них нацию. Нациестроительство – процесс городской, невозможный вне городской культуры и городского типа отношений, без городских слоев, которые, собственно, и формируют нацию.

Поглощение таких городов иноэтническим хинтерландом по условию конфликтно. Происходят рурализация города, изменение его этнического состава, вытеснение (или изгнание) одних его фракций, рост других. Радикально уменьшаются космополитизм и открытость, что неизбежно ведет к сокращению влияния, авторитета, иногда и численности, связанных с этим слоев и социальных групп. Но этот конфликт, в принципе традиционный для процесса рурализации городского пространства в условиях ускоренной урбанизации, приобретает новое измерение в контексте процесса и политики нациестроительства. Это уже не просто столкновение культур и интересов «понаехав-

шей деревенщины» и «шибко грамотных, наглых и шустрых» горожан. Это конфликт между формирующейся и формируемой нацией в этническом ее понимании и теми, кто не вписывается в этот процесс, кто считается чуждым или даже враждебным ему. Результаты могут быть самыми печальными для них – достаточно вспомнить левантинцев насеровского Египта, погромы и изгнание армян из независимого Азербайджана, массу других печально известных примеров.

Иногда в чужеродности и антинациональности обвиняются «городские казахи» в Казахстане [9]. В условиях интенсивного нациестроительства создают кумулятивный эффект несколько процессов. Эмигрирует русскоязычное население. В город приходят крестьяне, казахи, но не в качестве низкостатусных новичков, стремящихся влиться в городское сообщество через принятие его норм, правил, языка, моделей поведения и т.д. Горожанами становятся люди, ощущающие себя представителями господствующей нации. Приходят как хозяева. Это происходит в русле казахизации как целенаправленной государственной политики. Проводятся курсы на изменение этнического состава населения (привлечение оралманов, спокойное отношение к эмиграции неказахов), казахизация госаппарата, смена названий городов и улиц, соответствующая языковая, образовательная политика и т.д.

Невероятно интересен случай дореволюционного, чисто русского по населению уездного города Верхнеудинска, назначенного Советской властью быть столицей формируемой бурятской автономии, ставшего в результате основной площадкой и механизмом формирования современной городской бурятской нации (подробнее см.: [10]). Он не просто сменил название. Прежние функции были оттеснены на задний план новыми, властными задачами. Прежний хинтерланд не исчез – он растворился в новом. Вместе с функциями изменился и этнический состав, но не за счет вытеснения старого населения, а благодаря массовому притоку нового, в значительной степени бурятского.

Улан-Удэ можно рассматривать в категориях проекта. Реализуя политическую задачу, город создает нацию из партикуляристского племенного населения. Создает, конечно, не на пустом месте. В последние десятилетия имперской России сформировался немногочисленный, но мощный по интеллектуальному потенциалу, общественно активный европейски образованный (через русский язык, культуру и систему образования) слой бурятской интеллигенции. Она накопила огромный политический опыт и приобрела вес и влияние в годы Гражданской войны. Национальный эксперимент Советской власти объединил этот слой и город,

в котором до этого буряты практически не жили. Именно город стал инструментом выращивания современной городской нации. Целенаправленно формируются новые социально-профессиональные группы – номенклатура, интеллигенция, городские средние слои, рабочие. Пауперизированное сельское население становится материалом для социальной инженерии. Все это происходит в контексте социалистической индустриализации. Создается (и для индустриализации, и для нациестроительства) система образования – от детских садов до высших учебных заведений. Это важнейший социальный лифт. Еще более значимый лифт – политика коренизации [4]. Выстраивается типовой набор социальной и культурной инфраструктуры – от властных структур до музеев и театров. Создается общепобурятский литературный язык. Устный народный эпос Гэсер становится литературным произведением современного типа, базовым и унифицированным фундаментом культурной традиции нации.

Улан-Удэ становится «национальной столицей». Известный бурятский ученый и общественный деятель Т.М. Михайлов назвал его выражением национального духа: «Буряты... в большинстве своем остались на земле предков, сохранили свой Дом. Под этим домом подразумевается, по сути, Республика Бурятия с ее центром – городом Улан-Удэ, ибо здесь средоточие национального духа» [11].

Показателен и случай Вильно, ставшего Вильнюсом. Губернский город Российской империи, в многонациональном и поликонфессиональном населении которого почти не было литовцев, в проекте литовского национального строительства он был избран в качестве столицы, главного города формирующейся литовской нации. Основанием для такого выбора стал символический фактор, историческая традиция, память о Великом княжестве Литовском [12]. Реализовалась эта функция при Советской власти, когда Вильнюс стал столицей Литовской ССР [13]. Это был не просто новый статус, но и радикально новые функции, новая система отношений и связей, этнически новая структура населения.

Описанные в статье случаи не исчерпывают спектр возможных ситуаций этнизации. Да такой задачи и не ставилось. Важно было на конкретных примерах описать некоторые предпосылки и механизмы этого процесса, попытаться посмотреть на рассматриваемые сюжеты (зачастую совсем не плохо изученные) еще и в таком дискурсе. Такой подход может открыть новые исследовательские возможности и перспективы как для изучения важнейших тенденций развития переселенческого сибирского общества, так и для понимания сложнейших и тонких этнических процессов.

ЛИТЕРАТУРА

1. Лоп Э. Русский национализм и Российская империя: Кампания против «вражеских подданных» в годы Первой мировой войны / пер. с англ. В. Макарова. М. : Новое литературное обозрение, 2012. 304 с.
2. Нам И.В. Национальные меньшинства Сибири и Дальнего Востока на историческом переломе (1917–1922 гг.). Томск : Изд-во Том. ун-та, 2009. 500 с.

3. *Переселенческое общество Азиатской России: миграции, пространства, сообщества* / науч. ред. В.И. Дятлов, К.В. Григоричев. Иркутск : Отгис, 2013. С. 422–451.
4. Мартин Т. Империя «положительной деятельности». Нации и национализм в СССР, 1923–1939. М. : РОССЛЭН; Фонд «Президентский центр Б.Н. Ельцина», 2011. 666 с.
5. Калугина Г. Национально-культурные общества: посреднические и коммуникативные функции в городском сообществе (на примере Иркутска) // Местные сообщества, местная власть и мигранты в Сибири на рубежах XIX–XX и XX–XXI веков / науч. ред. В.И. Дятлов. Иркутск : Отгис, 2012. С. 353–368.
6. «Чайнатауны» в России. Специальная тема номера // Этнографическое обозрение. 2008. № 4. С. 3–58.
7. Woodward Bradley D. Patterns of Civil Society in the Modernizing Multiethnic City: A German Town in the Russian Empire Becomes Estonian // *Ab Imperio*. 2006. № 2. P. 135–162.
8. Сквирская В., Хэмфри К. Одесса: «скользкий» город и ускользающий космополитизм // Вестник Евразии. 2007. № 1(35). С. 88–117.
9. Алексеенко А. Миграции и борьба за городское пространство в независимом Казахстане // Местные сообщества, местная власть и мигранты в Сибири на рубежах XIX–XX и XX–XXI веков / науч. ред. В.И. Дятлов. Иркутск : Отгис, 2012. С. 384–389.
10. Балдано М.Н., Кириченко С.В. Этнизация городского пространства Верхнеудинска / Улан-Удэ : город как инструмент выращивания современной городской нации // Известия Иркутского государственного университета. Серия «Политология. Религиоведение». 2014. Т. 10. С. 50–66.
11. Михайлов Т.М. Национальное самосознание и менталитет бурятского народа // Современное положение бурятского народа и перспективы развития. Улан-Удэ, 1996. С. 18–25.
12. Staliunas Darius. Making a National Capital out of a Multiethnic City: Lithuanians and Vilnius in Late Imperial Russia // *Ab Imperio*. 2014. № 1. P. 157–175.
13. Davoliute Violeta. Postwar Reconstruction and the Imperial Sublime in Vilnius during Late Stalinism // *Ab Imperio*. 2014. № 1. P. 176–203.

Dyatlov Viktor I. Irkutsk State University (Irkutsk, Russian Federation). E-mail: vikdyatlov@yandex.ru

THE ETHNICIZATION OF PUBLIC SPACE: REASONS AND MECHANISMS OF THE PROCESS.

Keywords: ethnicization; project; Siberian resettlement-based society; migrations; imperial city.

The understanding of ethnicity as a situative state and process raises the question of ethnicization which constitutes the beginning or part of this process. In communities' life, circumstances may arise when ethnic identification and self-identification come to the fore and dictate behavioural strategies and practices of large masses of people. Ethnicization is a process of manifestation and, hence, mobilization of ethnicity which enters into the public space. Drawing on particular case studies, the article aims to look into the reasons for and mechanisms of the actualization of ethnicity as an important, possibly, key, factor in the regulation of public relations. The author considers some examples where ethnicity starts to define the lifestyle and behaviour patterns of a significant number of city dwellers. The demonstration of ethnicity becomes part of everyday life when ethnically marked objects and areas of relations emerge in a city. Several cases of ethnicization are considered in the article, based on the history of the Siberian resettlement-based society. Two mechanisms of this process are analyzed, namely the public policy which was sometimes built as a project and socio-economic and cultural processes in the society associated with the modernization. The meaningful public policy in the field of the ethnic (and not the confessional or estate-related) is directly connected with the First World War, when the state begins to consider both its own citizens and citizens of other states through the prism of their ethnicity and, based on this criterion, develops a system of privileges or discrimination. The Soviet leadership conducted the social engineering policy, building not only the class-oriented but also national structure of the new society. Of particular interest are the nation-building experiments carried out among the indigenous peoples of Siberia. Here, the article deals with the case of the district city of Verkhneudinsk being transformed from a purely Russian, in terms of the population and culture, city to the capital of the Buryat emerging socialist nation. This not only led to the change in the name of the city but also to some great shifts in the size and composition of its population, as well as to the formation of new models of relationships and to that of a new hinterland.

REFERENCES

1. Laure, E. (2012) *Russkiy natsionalizm i Rossiyskaya imperiya: Kampaniya protiv "vrazheskikh poddannyykh" v gody Pervoy mirovoy voyny* [Russian nationalism and the Russian Empire: The campaign against "enemy aliens" during World War I]. Translated from English by V. Makarova. Moscow: Novoe literaturnoe obozrenie.
2. Nam, I.V. (2009) *Natsional'nye men'shinstva Sibiri i Dal'nego Vostoka na istoricheskom perelome (1917–1922 gg.)* [National minorities of Siberia and the Far East at the turn of the historic (1917–1922)]. Tomsk: Tomsk State University.
3. Dyatlov, V.I. & Grigorichev, K.V. (eds) (2013) *Pereselencheskoe obshchestvo Aziatskoy Rossii: migratsii, prostranstva, soobshchestva* [Resettlement Society of Asian Russia: migration space community]. Irkutsk: Ottisk. pp. 422–451.
4. Martin, T. (2011) *Imperiya "polozhitel'noy deyatel'nosti". Natsii i natsionalizm v SSSR, 1923–1939* [The empire of "positive activities". Nation and nationalism in the USSR, 1923–1939]. Translated from English by O.R. Shchelokova. Moscow: ROSSPEN.
5. Kalugina, G. (2012) *Natsional'no-kul'turnye obshchestva: posrednicheskie i kommunikativnye funktsii v gorodskom soobshchestve (na primere Irkutsk)* [The national-cultural societies: mediation and communicative function in the urban community (as exemplified by Irkutsk)]. In: Dyatlov, V.I. (ed.) *Mestnye soobshchestva, mestnaya vlast' i migranty v Sibiri na rubezhakh XIX–XX i XX–XXI vekov* [Local communities, local authorities and migrants in Siberia in the 19th–20th and 20th–21st centuries]. Irkutsk: Ottisk. pp. 353–368.
6. Dyatlov, V.I. (2008) "Chaynatauny" v Rossii ["Chinatowns" in Russia]. *Etnograficheskoe obozrenie – Ethnographic Review*. 4. pp. 3–58.
7. Woodward, B.D. (2006) Patterns of Civil Society in the Modernizing Multiethnic City: A German Town in the Russian Empire Becomes Estonian. *Ab Imperio*. 2. pp. 135–162.
8. Skvirskaya, V. & Humphrey, K. (2007) Odessa: "skol'zkiy" gorod i uskol'zayushchiy kosmopolitizm [Odessa: A "slippery" city and elusive cosmopolitanism]. *Vestnik Evrazii*. 1(35). pp. 88–117.
9. Alekseenko, A. (2012) *Migratsii i bor'ba za gorodskoe prostranstvo v nezavisimom Kazakhstane* [Migration and the struggle for urban space in independent Kazakhstan]. In: Dyatlov, V.I. (ed.) *Mestnye soobshchestva, mestnaya vlast' i migranty v Sibiri na rubezhakh XIX–XX i XX–XXI vekov* [Local communities, local authorities and migrants in Siberia in the 19th–20th and 20th–21st centuries]. Irkutsk: Ottisk. pp. 384–389.
10. Baldano, M.N. & Kirichenko, S.V. (2014) Ethnicization of Urban Space of Verkhneudinsk/Ulan-Ude: City as a Tool for Growing Modern Urban Nation. *Izvestiya Irkutskogo gosudarstvennogo universiteta. Seriya "Politologiya. Religiovedenie"* – *The Bulletin of Irkutsk State University. Political Science. Religion Studies*. 10. pp. 50–66.
11. Mikhaylov, T.M. (1996) *Natsional'noe samosoznanie i mentalitet buryatskogo naroda* [National consciousness and mentality of the Buryat people]. In: Randalov, Yu.B. & Sanzhiev, G.L. (eds) *Sovremennoe polozhenie buryatskogo naroda i perspektivy razvitiya* [The current situation of the Buryat people and prospects of development]. Ulan-Ude: RAS. pp. 18–25.
12. Staliunas, D. (2014) Making a National Capital out of a Multiethnic City: Lithuanians and Vilnius in Late Imperial Russia. *Ab Imperio*. 1. pp. 157–175.
13. Davoliute, V. (2014) Postwar Reconstruction and the Imperial Sublime in Vilnius during Late Stalinism. *Ab Imperio*. 1. pp. 176–203.